

Предисловие «Полки»

*Новые приключения Остапа Бендера:
великий комбинатор гоняется за миллионом,
который не принесет никому счастья.
Роман, в котором сатира на советский быт
сочетается с принятием новой советской
морали.*

Лев Оборин

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Главный герой «Двенадцати стульев» гениальный авантюрист Остап Бендер воскресает, чтобы вновь попытаться счастья: на этот раз его цель — миллион рублей, который поможет ему переселиться из постылого Советского Союза в Рио-де-Жанейро. Бендер с компанией поделщиков отправляется в город Черноморск, чтобы экспроприировать деньги у подпольного миллионера Александра Корейко. Как и «Двенадцать стульев», «Золотой теленок» — захватывающий плутовский роман и превосходная сатира на советскую действительность, но в то же время он глубже и грустнее первой части приключений Бендера: в финале и читателю, и самому герою приходится сделать вывод о несовместимости благородного жулика с новой реальностью.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Об этом вроде бы есть точные сведения: роман, сначала называвшийся «Великий комбинатор», был начат 2 августа 1929 года. За три недели Ильф и Петров написали первую часть — восемь глав от появления Остапа Бендера в Арбатове до прибытия «Антилопы-Гну» в Одессу (Черноморск). В переработанном виде главы вошли в окончательную редакцию; опубликован этот черновик первой части был только в 1996 году.

С другой стороны, сохранились такие воспоминания Евгения Петрова: «Писать было трудно, денег было мало.

Мы вспоминали о том, как легко писались “Двенадцать стульев”, и завидовали собственной молодости. Когда садились писать, в голове не было сюжета. Его выдумывали медленно и упорно»¹. Есть и история о том, как после написания первой части работа затормозилась: мешала журналистская рутина (Ильф и Петров были востребованными репортерами и фельетонистами), а кроме того, Ильф до того увлекся фотографией, что на несколько месяцев забросил писательство. Исследователи Михаил Одесский и Давид Фельдман предполагают, что Петров намеренно запутывал следы, не желая выдавать подлинные сроки работы. На 1929–1930 годы приходится очередное закручивание гаек в стране: начинаются «чистки», травля Николая Бухарина, а заодно и писателей — Пильняка и Замятина. Возможно, перерыв в работе связан не с фотографическим хобби Ильфа, а с тем, что соавторы опасались продолжать роман. Те же исследователи приводят доказательства, что «Теленок» был начат раньше 1929 года². Как бы то ни было, дописан он был в 1931 году, когда первые главы уже публиковались.

От первоначального плана — «об Остапе Бендере, ищущем девушку, которую он мог бы выдать за наследницу американского солдата, о борьбе его за эту девушку, о кооперативном жилищном строительстве и о наболевшей, богатой сатирическими сюжетами теме распределения квартир»³ — в романе осталась одна-единственная реплика попутчика Бендера в купе. Карьера брачного афериста, о которой великий комбинатор думал еще в «Двенадцати стульях», так и не сложилась.

КАК ОНА НАПИСАНА?

«Золотого тельца» многое роднит с предыдущим романом дилогии. Как и «Двенадцать стульев», это роман-путешествие. Как и раньше, в дела Бендера несколько раз вмешивается форс-мажор: в первом романе это мотовство Воробьянинова, землетрясение в Крыму и, наконец, покушение Кисы на жизнь Остапа, во втором — учебная газовая атака и нападение румынских пограничников. Обе книги — современные вариации плутовского романа, в которых «благородный жулик» терпит поражение. Но если в «Двенадцати стульях» Бендер не знал, что поиски последнего стула заведомо бесплодны, то в «Тельце» у него из рук ускользает уже завоеванная добыча, и оттого катастрофа кажется более сокрушительной. Это — а также наличие самой настоящей, а не шутовской, как в «Стульях», любовной линии — позволяет Дмитрию Быкову*¹ назвать «Тельца» книгой «гораздо более талантливой, гораздо более яркой» и «гораздо более трагической»⁴. Бендер «Золотого тельца» отходит от былой водевильности, становится более человечным, более интеллектуальным — и ему проще сочувствовать⁵.

Как и в «Двенадцати стульях», в «Тельце» много эпизодических персонажей, занятых в основном сюжете постольку-поскольку (монархист Хворобьев — или Хворобьев? — дает прибежище скомпрометированной «Антилопе-Гну», Лоханкин предоставляет концессионерам жилье, Берлага — одно из звеньев на пути к Корейко), — но рассказывают о них Ильф

и Петров очень подробно. Это связывает «Золотого тельца» с журнальной юмористикой, жанром фельетона, в котором Ильф и Петров набили руку на описании подобных типов. Собственно, в «восточную» часть романа в переработанном виде вошло несколько их очерков⁶ — все они удачно «нанизываются» на стержень путешествия.

Сильный сюжет Ильф и Петров вновь сочетают с феноменальной речевой пластичностью: Остап Бендер остается производителем блестящих афоризмов, вдохновение для которых авторы черпают как в официальном советском языке, так и в дореволюционной культуре (характерная контаминация: «Жизнь прекрасна, невзирая на недочеты»). Описания города, пейзажа, производственного процесса даны в сочных деталях и эпитетах, свойственных jovially одесской школе, которая всегда не прочь подчеркнуть свое стилистическое богатство:

Ночь показывала чистое телескопическое небо, а день подкатывал к городу освежающую морскую волну. Дворники у своих ворот торговали полосатыми монастырскими арбузами, и граждане надсаживались, сжимая арбузы с полюсов и склоняя ухо, чтобы услышать желанный треск.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Публикацию «Золотого тельца» осложнили цензурные обстоятельства. Роман начал выходить в 1931 году в жур-

*¹ Внесен в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

нале «30 дней», когда работа над ним еще продолжалась. Но отдельного советского издания пришлось ждать два года — в результате в США и нескольких европейских странах перевод «Теленка» появился раньше, чем книжный оригинал в СССР.

По-русски роман был выпущен отдельно — пиратским способом — в 1931 году в берлинском издательстве «Книга и сцена». А на суперобложке американского издания (1932) значилось⁷:

Книга, которая слишком смешна, чтобы быть опубликованной в России!

Несмотря на предисловие советского наркома просвещения, товарищ Сталин опасается, что «Золотой теленок» недостаточно серьезно относится к пятилетнему плану, в результате чего Америка первой знакомится с публикацией этого поразительно смешного романа.

Такой текст мог подпортить судьбу не только роману, но и его авторам, и Ильф поспешил его дезавуировать в «Литературной газете»: «На суперобложке книги, очевидно под влиянием кризиса, помещено явно рекламное и явно антисоветское сообщение... <...> Это примитивная выдумка: “Золотой теленок” полностью, от первой до последней строки, напечатан в журнале “30 дней” за 1931 год и готовится к выходу отдельной книгой в издательстве “Федерация”».

Несмотря на это, советская книга по-прежнему буксовала. Товарищ Сталин был все-таки ни при чем: дело тормозили другие высокопоставленные рецензенты. Тот самый нарком просвещения Анатолий

Луначарский, Александр Фадеев и прочие «ответственные товарищи» сочли, что прохиндей и ненавистник советской власти Бендер в романе получился слишком симпатичным (и они были совершенно правы). Положение спас только Максим Горький: когда Ильф и Петров обратились к нему, он сумел пробить публикацию — книга, с цензурными искажениями (зачастую обедняющими юмор соавторов⁸), вышла в 1933 году. В 1949-м Фадеев примет участие в кампании по запрету романов Ильфа и Петрова.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Как и в «Двенадцати стульях», пласт литературных влияний в «Золотом теленке» огромен. Попробуем их перечислить.

Плутовская литература — в том числе такой высокий ее образец, как «Мертвые души» Гоголя. Подобно Чичикову, Александр Иванович Корейко умеет приспособиться к любым обстоятельствам, мимикрирует под них, сливается с фоном. О нем нельзя сказать ничего определенного — при этом, что замечательно, у него есть та же особенность, что у Чичикова: «Он мгновенно умножал и делил в уме большие трехзначные и четырехзначные числа»⁹. Глава о пребывании бухгалтера Берлаги в сумасшедшем доме, возможно, восходит к аналогичному эпизоду в еще одном великом сатирическом/плутовском романе — «Похождениях бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека. Сам образ Бендера связан с «благородным жуликом» из рассказов О. Генри — Энди Такером.

Советская сатира и бытовой роман 1920-х: коллеги по газете «Гудок» Булгаков и Олеша, Зощенко, Н. Огнёв*¹, Пантелеймон Романов, Илья Эренбург с его «Хулио Хуренито», стихотворные фельтоны и пьесы Маяковского (в черновых записях к «Теленку» есть даже сцена похорон поэта). Одновременно — скорее как антивлияние — журналистская и литературная рутина, которая в романе злостно пародируется: от знаменитого отступления про писателя-среднячка, сочиняющего деревенскую сагу про старика Ромуальдыча, до замечания Остапа про «многочисленные литературные и музыкальные бригады», которые собирают «материалы для агропоэм и огородных кантат». Бендер презирает таких авторов не как плохих писателей, а как конкурентов: он сам не прочь заработать, продав киностудии сляпанный за ночь сценарий «Шея» или журналисту Ухудшанскому — «торжественный комплект» универсальных фраз, годящихся в любую передовицу. Однако отношение бывалых фельетонистов Ильфа и Петрова к подобным практикам однозначно ехидное.

Одесский юмор, до Ильфа и Петрова отчетливее всего воплощенный в прозе Исаака Бабеля и сотрудников «Сатирикона». Рядом находится и влияние еврейской юмористики — в первую очередь Шолом-Алейхема.

Детективная классика: помимо подмечаемых комментаторами переключек

в деталях, вся погоня Бендера за Корейко, со множеством промежуточных звеньев — более мелких негодяев, напоминает охоту Шерлока Холмса за профессором Мориарти.

Русская классика *in general*: «Золотой теленок» пересыпан пародийными фрагментами, цитатами, аллюзиями — от А. К. Толстого до Л. Н. Толстого; в одном из самых грустных мест романа это влияние иронически обыграно: «Какой удар со стороны классика!» — восклицает Бендер, вспомнив, что стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» до него уже сочинил Пушкин.

И, пожалуй, главное влияние на «Теленка» — нарождающийся советский язык, штампы газетных передовиц и профсоюзных собраний, противодействие бойких лозунгов и бюрократической волокиты. И то и другое сохраняется в современном русском языке — и поэтому до сих пор многое в тексте Ильфа и Петрова кажется нам знакомым.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

У читателей «Теленок», как и «Двенадцать стульев», шел на ура. Правoverная же партийная критика не выказывала особого восторга. Анатолий Луначарский, в целом высоко оценивший роман, переживал, что главный герой получился слишком симпатичным:

---

*¹ Михаил Григорьевич Розанов (1888–1938; псевдоним — Н. Огнёв) — детский писатель. Работал педагогом в Обществе попечения об учащихсх детях Бутырского района Москвы, после революции основал первый в Москве детский театр, работал в детских колониях. В 20-х годах входил в группу конструктивистов, затем — в литературную группу «Перевал». Писал рассказы, наиболее известное его произведение — повесть «Дневник Кости Рябцева» (1927). С 1937 года преподавал в Литинституте.

Этот необыкновенно ловкий и смелый, находчивый, по-своему великодушный, обливающий насмешками, парадоксами все вокруг себя плут Бендер кажется единственным подлинным человеком среди этих микроскопических гадов. <...>

Почему Остап Бендер не кажется нам отвратительным?

Потому, что Ильф и Петров перенесли его в атмосферу советского «подола», в атмосферу обывательского советского дна. Там он фигурирует как величина, а если он соприкоснется с настоящей жизнью, настоящая жизнь должна будет его раздавить как личность, тем более вредную, чем он способен и чем более он «свободен от принципов». При этих условиях Остап Бендер, который все разлагает своей философией беспринципности, своим организмом очень умного комбинатора, начинает нас тревожить, как бы не вообразил кто-нибудь, что это — герой нашего времени, как бы Остап Бендер не оказался

образчиком для юнцов, не перепрыгнувших еще своего болота.

После выхода «Теленка» отдельной книгой писатель Василий Локоть опубликовал под псевдонимом А. Зорич рецензию с характерным названием «Холостой залп»: «Это книжка для досуга, для легкого послеобеденного отдыха... Она будет быстро прочитана и столько же быстро забыта, не оставив после себя никакого следа». В 1934 году в «Литературной энциклопедии» появилась статья о Евгении Петрове, где говорилось, что «романы Ильфа и Петрова не представляют заостренной, резкой сатиры. Глубокого раскрытия классовой враждебности Бендера ими не дано».

Положительные рецензии на «Золотого теленка» написали, в частности, Лев Никулин^{*1} и Виктор Шкловский — он одним из первых указал на параллели книги с классическим плутовским романом. На Западе книгой восхищались Анри Барбюс^{*2}, Лион Фейхтвангер^{*3}, Эптон Синклер^{*4}.

---

*1 Лев Вениаминович Никулин (1891–1967) — писатель, поэт, драматург. Публиковал стихи и фельетоны в одесской прессе. Был другом Александра Вертинского, для которого написал слова к песням «Возвращение» и «Ты уходишь в далекие страны». После революции был секретарем Генконсульства в Кабуле, работал в редакции «Правды». Автор романов «Время, пространство, движение», «Канал имени Сталина», «Мертвая зыбь». Был одним из основателей журнала «Иностранная литература». Договорился с вдовой Бунина о передаче архивов писателя в СССР.

*2 Анри Барбюс (1873–1935) — французский писатель, журналист. Участвовал в Первой мировой войне. Приобрел известность благодаря антивоенному роману «Огонь» (1916), получил за него Гонкуровскую премию. Пропагандировал социализм, четыре раза приезжал в СССР. Написал книгу о Сталине; во время работы над второй книгой о вожде умер от пневмонии.

*3 Лион Фейхтвангер (1884–1958) — немецкий писатель. Автор более 40 исторических романов, пьес (несколько из них были написаны в соавторстве с Бертольтом Брехтом), теоретических работ о еврейском вопросе. В годы нацистской власти Фейхтвангера лишили германского гражданства, а его книги были сожжены. Писатель жил во Франции. Основал в Москве журнал «Дас Ворт», побывал в СССР, написал о своей поездке апологетическую книгу «Москва. 1937». В 1939 году попал в концлагерь в Тулоне, после освобождения переехал в США.

*4 Эптон Билл Синклер (1878–1968) — американский писатель. Участвовал в левом движении, баллотировался в палату представителей и сенат от Социалистической партии Америки. Написал около ста книг в различных жанрах, в том числе социологический роман «Джунгли» (1906)

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

До конца советской эпохи в литературоведении пытались разобраться с вопросом — как же так получается, что мы невольно симпатизируем Бендеру. Возникла формулировка «отрицательный герой с положительной функцией»¹⁰. За рамками идеологической дискуссии литературоведы отмечали, что романы Ильфа и Петрова оказали влияние на прозу хорошо знакомых с ними авторов — Юрия Олеши и Михаила Булгакова (в том числе на «Мастера и Маргариту», где можно найти множество тонких переключек с «Золотым теленком»)¹¹. В постсоветское время возникла даже конспирологическая гипотеза о том, что Булгакову принадлежат оба романа о Бендере (среди ее сторонников — писатель Дмитрий Галковский). Более серьезные исследования проясняли жанровую природу Остапа Бендера — героя-трикстера, который «обнажает и обыгрывает социально-психологические парадоксы советской культуры»¹².

«Золотой теленок» неоднократно издавался в СССР — отдельно и под одной обложкой с «Двенадцатью стульями»; цензура отщипывала от него крохи острот, становившихся предосудительными¹³. В 1949 году, уже после смерти обоих авторов, романы попали под новую волну репрессий: вышло специальное постановление ЦК, в котором публикация «Стульев» и «Теленка» большим тиражом в 1948-м признавалась «грубой политической ошибкой». Книги Ильфа и Петрова были названы «клеветой на советское общество»

(«По романам Ильфа и Петрова получается, что советский аппарат сверху донизу заражен бывшими людьми, нэпманами, проходимцами и жуликами, а честные работники выглядят простачками, идущими в поводу за проходимцами»), а шутки Бендера — «пошлыми, антисоветского характера остротами». Словом, все было по формуле, которую Булгаков еще в 1930 году нашел в своем отчаянном письме правительству: «Всякий сатирик в СССР посягает на советский строй». Диалогия не выходила в Советском Союзе до 1956 года; в это время ее версия без цензурных искажений была опубликована в нью-йоркском Издательстве имени Чехова.

В 1994 году вышло первое постсоветское издание «Золотого теленка» «без купюр» — как и в случае с «Двенадцатью стульями», сюда вошли все изъятия из оригинальной рукописи, в том числе не связанные с цензурой. Также в начале 1990-х появился обширный комментарий Юрия Щеглова к обоим романам. Они продолжают привлекать исследователей: так, в 2000–2010-е публикуются работы Михаила Одесского и Давида Фельдмана, посвященные их поэтике и политической подоплеке¹⁴.

«Золотой теленок» ставился на сцене и в кино реже, чем «Двенадцать стульев», но, возможно, именно кинопостановка Михаила Швейцера (1968) с Сергеем Юрским в главной роли стала лучшей во всей кинобендериане. В начале 1990-х без особого успеха переосмыслить роман попытался Василий Пичул (у него постаревшего Бендера сыграл Сергей Крылов),

---

и «Нефть» (1927), по которому Пол Томас Андерсон снял одноименный фильм. Лауреат Пулитцеровской премии.

а в 2006-м вышел провальный сериал Ульяны Шилкиной: несмотря на то что в главной роли был именитый Олег Меньшиков, сериал разобрали критики, а сценарист Илья Авраменко заявил, что стыдится результата.

ПОЧЕМУ РОМАН ТАК НАЗЫВАЕТСЯ?

Очевидный подтекст названия — ветхозаветная история о золотом тельце, идоле, которому стали поклоняться иудеи, пока Моисей пребывал на горе Синай и получал от Бога десять заповедей. Золотой телец стал частым олицетворением культа богатства; «поклоняться золотому тельцу» означает жить ради денег, оставив любые этические и духовные соображения. Именно это и отличает антагониста Бендера — подпольного миллионера Александра Корейко. Отметим, кстати, что корейка — часть туши, в том числе и телячьей; Корейко, чтобы не потерять свои миллионы, должен отдать один из них Бендеру, прямо-таки оторвать от себя — здесь, возможно, сказывается мотив «фунта мяса», которым требует уплатить долг ростовщик Шейлок в шекспировском «Венецианском купце». Еще одна возможная шекспировская аллюзия в названии романа — к шутке Гамлета в адрес Полония: «С его стороны было грубально убивать такого капитального тельца» (вспомним, что от Бендера Корейко получает по почте книгу «Капиталистические акулы»).

Выражение «золотой теленок» в значении «культ денег» несколько раз употребляет Бендер: он по привычке снижает штамп, не замечая, что это выглядит

разоблачительно, — «золотой телец превратился в тихого, пугливого теленка»¹⁵. Пытаясь угостить Корейко в ресторане, он произносит: «Золотой теленок отвечает за все» — и тут же обнаруживает, что все злчные места в среднеазиатском городе, которые еще пять лет назад были на месте, ударными темпами уничтожили молодые строители коммунизма. Это, что называется, первый звоночек: несмотря на заявления Бендера, что «золотой теленок в нашей стране еще имеет кое-какую власть», он очень скоро убедится в обратном.

Золотым тельцом в романе несколько раз называется и сам заветный миллион — и когда Бендер его получает, с ним происходит психологическая перемена: прорывается тяга к пошлой роскоши, «особняку в мавританском стиле» со швейцаром, хочется хвалиться своим богатством; в то же время Остап завидует молодым людям, у которых никакого миллиона нет, но есть свежесть, устремления, вера в будущее. В конце концов Золотым тельцом становится он сам, обвесившись драгоценностями (библейский золотой телец был отлит именно из переплавленных украшений). И здесь стоит вспомнить его реплику из нищей черноморской жизни: «У меня большое сердце. Как у теленка». Теленок был гораздо симпатичнее, когда был не золотым, а настоящим, с сердцем.

Наконец, еще один смысл названия раскрывается, если взглянуть на отброшенные Ильфом и Петровым варианты. Роман мог называться «Буренушка», «Телята», «Телушка-полушка» — за всем этим явно стоит фразеологизм «дойная корова», в роли которой предстоит выступить Корейко.

Никола Пуссен. Пляски вокруг золотого тельца. 1633–1637 годы

Ну а к «Золотому ослу» Апулея «Золотой теленок» отношения, пожалуй, не имеет, — кроме разве того, что обе книги очень веселые.

ПОЧЕМУ ПОДПОЛЬНЫЙ МИЛЛИОНЕР КОРЕЙКО ТОЖЕ НАЗВАН В РОМАНЕ КОМБИНАТОРОМ?

Корейко — достойный противник Бендера: в годы Гражданской войны и НЭПа он проворачивает такие дела, которые великому комбинатору и не снились («На сахаре он заработал миллиард. Курс превратил эти деньги в порошок»). Но если «четыреста способов отъема денег», которые известны Бендеру, — «сравнительно честные», то махинации Корейко

отвратительны — особенно фокус с поездом, который так и не довез продовольствие в голодающее Поволжье. Недаром, ознакомившись с историей своего «подзащитного», Бендер — сам никогда не теряющий человечности — утверждает, что потерял веру в человечество.

Впрочем, несмотря на выдающуюся способность оставаться незамеченным, Корейко все же оказывается раскрыт — ведь знает же откуда-то Шура Балаганов о его миллионах. В черновом «Великом комбинаторе» он объясняет:

Понимаете, Бендер, случилось мне недавно сидеть в Одесском ДОПРе. Мне там об этом говорили несколько очень опытных шниферов. Они интересовались несгораемым шкафом и даже сделали в его квартире проверку.

Но, оказывается, он дома ничего не держит. Вообще ничего не известно. Доказательств — никаких. Но все говорят, что этот человек делает сейчас миллионные обороты. Гений частного капитала.

Шниферы — это воры-«медвежатники», специализирующиеся на взломе сейфов. Значит, кто-то дал им наводку. Корейко не мог проворачивать свои дела в вакууме, у него были партнеры — и слухи о его капиталах все же просочились.

Операция против Корейко, в ходе которой не любящий советскую власть Бендер оказывается на одной стороне с государством, — это актуальный для 1930 года вариант робингудства. Обещая в случае неговорчивости Корейко отнести его «дело» куда следует, Бендер прибавляет: «Я останусь таким же бедным поэтом и многоженцем, каким был, но до самой смерти меня будет тешить мысль, что я избавил общественность от великого сквалыжника».

Кстати, в поединке с Корейко реализуется известный мотив: один соперник признает другого равным себе. Увидев, с кем ему предстоит иметь дело, Бендер говорит: «Объект, достойный уважения»; часть романа, в которой описана самая острая фаза противостояния, называется «Два комбинатора». Разоблаченный Корейко соглашается с этим: «А когда вы пришли в виде киевского надзирателя, я сразу понял, что вы мелкий жулик. К сожалению, я ошибся. Иначе черта с два вы бы меня нашли». В финале романа этот мотив переворачивается: Остап-миллионер понимает, какую жизнь вела его жертва. «Спал плохо — боялся, что украдут деньги, стал похож на Корейко» — такая фраза есть в набросках к «Золотому теленку».

БЫЛИ ЛИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПОДПОЛЬНЫЕ МИЛЛИОНЕРЫ?

Были. Среди прецедентов — биография одессита Нафталия Френкеля, который еще до революции сколотил огромное состояние с помощью спекуляций (кстати, спекулировал он лесом — в точности как жульническая контора «Геркулес», где трудился Корейко). После революции Френкелю поначалу удавалось сохранять богатство: в отличие от Корейко, он не чурался НКВД и даже проворачивал с не слишком чистоплотными чекистами совместные дела. После ареста в 1924 году Френкель умудрился, будучи заключенным, сделать карьеру подрядчика на Соловках, а после освобождения он стал одним из организаторов системы принудительного труда в ГУЛАГе, стоившей жизни сотням тысяч эков. В частности, он был начальником строительства Беломорканала. Френкель обладал феноменальным чутьем, благополучно избежал всех дальнейших чисток и репрессий, стал кавалером трех орденов Ленина, в войну получил чин генерал-лейтенанта инженерно-технической службы НКВД и умер в своей постели в возрасте 77 лет.

Существовали и другие советские подпольные миллионеры: Николай Павленко, Борис Ройфман, Зигфрид Газенфранц. Большинство из них, как и Корейко, спекулировали на госзаказах и продуктах — но действовали уже после войны; таких спекулянтов приговаривали к расстрелу даже при Хрущеве, а уж в сталинское время они должны были быть особенно осторожны. Один из крупнейших доверенных аферистов, в чьей биографии путь

Корейко скрещивается с путями «сыновей лейтенанта Шмидта», — Иван Амозов¹⁶, который придумал себе боевую революционную биографию и получал на ее основе высокие посты, награды и денежные премии. Ну а похищение Александром Корейко поезда с продовольствием основано на реальных преступлениях на украинской железной дороге в начале 1920-х, когда расхитители присваивали «целые вагоны сахара, табака, кожи»¹⁷. Процесс над ними в 1925 году освещался в «Гудке» — газете, где вскоре начали работать Ильф и Петров.

ПОЧЕМУ БЕНДЕРУ БЫЛ НУЖЕН ИМЕННО МИЛЛИОН?

Миллион — идефикс Бендера. Его аппетиты, как видим, выросли после фиаско в «Двенадцати стульях» (там компаньоны гонялись за драгоценностями на 150 тысяч). В принципе, Бендер готов согласиться на полмиллиона, но важнее сакральность числа. Миллион — это в принципе очень много, «миллионщиком» называли до революции очень богатого человека, о миллионах грезят герои Достоевского, а зарабатывают их герои Мамина-Сибиряка, одного из немногих создателей русского капиталистического романа. В ранне-советскую эпоху «миллионы» — синоним народных масс: Маяковский не ставит своего имени на издании поэмы «150 000 000», имея в виду, что автор этой поэмы — весь советский народ. Противопоставлен этим 150 миллионам искатель одного миллиона Остап Бендер.

Следует, впрочем, сделать одну ремарку. Советские граждане в начале 1930-х

еще прекрасно помнили, что такое реальный миллион рублей в руках: такая сумма была ничтожной в годы военного коммунизма и раннего НЭПа, когда в стране произошла гиперинфляция. Миллион тогда пренебрежительно называли «лимоном». В «Золотом теленке» приводится песенка того времени: «Залетаю я в буфет, / Ни копейки денег нет, / Разменяйте десять миллионов...» Вскоре — в 1922 году — советское правительство провело две деноминации: прежний миллион рублей стал равен новому советскому рублю, но еще в 1923-м цены привычно указывались в миллионах и миллиардах¹⁸. За семь лет миллион вновь превратился в недостижимый идеал, символ абсолютного богатства. И это можно понять: по подсчетам «Коммерсанта», миллион рублей 1930 года в переводе на современные деньги равнялся бы примерно 2,7 миллиона долларов¹⁹.

Неудивительно, что идея миллиона завораживает тех, кому богатство не светит — и кто не знает, до чего тягостно в Советском Союзе быть миллионером. В главе «Дружба с юностью» есть эпизод, когда в ночном поезде компания собеседников постоянно возвращается к заветному числу (что Остапа выводит из себя): «Дали бы мне миллион рублей!», «У одной московской девицы в Варшаве умер дядя и оставил ей миллионное наследство», «Посмотрело правление жакта в этот горшочек, а там золотые индийские рупии, миллион рупий...»

Утром, проснувшись, Бендер опять слышит: «Миллион! Понимаете, целый миллион...» Ирония в том, что речь идет уже не про деньги, а про тонны чугуна: вчерашние попутчики Бендера сошли с поезда, а новыми попутчиками оказались

студенты-энтузиасты. Когда же раздухавшийся великий комбинатор показывает им свой миллион, студенты разбегаются от него как от зачумленного. Это один из знаков того, насколько бесполезно и подозрительно в новом обществе богатство: недаром среди планов концовки романа была неожиданная отмена денег. Так сатира в «Золотом теленке» смыкается с утопией.

ПОЧЕМУ У БЕНДЕРА
В «ЗОЛОТОМ ТЕЛЕНКЕ»
ТРИ СПУТНИКА,
А НЕ ОДИН?

Прежде всего потому, что главный талант Бендера — изобретение комбинаций. Случайная встреча с Шурой Балагановым дает ему цель, случайная встреча с Козлевичем — средство передвижения. Выбивается из этой схемы Паниковский — к которому, вспомним, намертво пристало прозвище «нарушитель конвенции». Но Бендер, не чуждый как жалости, так и самоутверждения на фоне других, подбирает Паниковского, когда за тем гонятся разъяренные жители города Арбатова, — и в конце концов находит ему применение. Ведь охота за миллионом — серьезное предприятие, и одним компаньоном вроде Кисы Воробьянинова Бендер бы тут не обошелся.

Ильф и Петров иногда подчеркивают общность этого коллектива: в одной из глав они именуется «четырьмя жуликами», в другой Остап Бендер объявляет себя, Шуру и Паниковского богатырями Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем. Но, несмотря

на это, квартет, как в басне Крылова, не очень-то складывается. Что-то все время мешает гармонии. После прибытия в Черноморск концессионеры редко собираются вместе: в какой-то момент отпадает Козлевич (эпизод с «охмурением ксендзами» — отголосок антирелигиозных кампаний 1920-х), а поворотным моментом, подлинной трагедией посреди романа, оказывается смерть Паниковского — жалкого старика и в то же время главного после Бендера индивидуалиста в романе. После этого братство антилоповцев распадается.

Лучше всего разработаны в романе отношения Шуры и Паниковского, которые исполняют чисто юмористические роли недалеких подручных (троп, популярный в культуре — от классических комедий до детских мультфильмов про злодеев и героев). Вершина этого дуэта — кража гири из квартиры Корейко:

— Вам, Шура, я скажу как родному. Я раскрыл секрет этих гирь.

Паниковский поймал наконец живой хвостик своей манишки, пристегнул его к пуговице на брюках и торжественно взглянул на Балаганова.

— Какой же может быть секрет? — разочарованно молвил уполномоченный по копытам. — Обыкновенные гири для гимнастики.

— Вы знаете, Шура, как я вас уважаю, — загорячился Паниковский, — но вы осел. Это золотые гири! Понимаете? Гири из чистого золота! Каждая гиря по полтора пуда. Три пуда чистого золота. Это я сразу понял, меня прямо как ударило. Я стал перед этими гирями и бешено хохотал. Какой подлец этот Корейко! Отлил себе золотые гири,

покрыл их в черный цвет и думает, что никто не узнает.

Гири, разумеется, оказываются не золотыми, а чугунными, и следует комическая драка. Доверчивость Шуры — часть его типажа («Балаганов очень мил, но глуп»): великолепно завершает его линию сцена в трамвае, где бывший «сын лейтенанта Шмидта», у которого в кармане лежат пятьдесят тысяч, ворует грошовый дамский кошелек. Эта простота, однако, не очень вяжется с предприимчивостью Шуры: ведь именно он разработал гигантский план разделить весь Советский Союз на участки, чтобы жулики, выдающие себя за детей лейтенанта Шмидта, не опасались конкуренции. Судя по всему, Ильф и Петров не устояли перед соблазном привязать остроумную аферу (имевшую прецеденты в действительности) к новому персонажу.

Важное пояснение к роли антилоповцев дает сам Бендер, разговаривая в последний раз с Зосей Синицкой: «Мне тридцать три года, — поспешно сказал Остап, — возраст Иисуса Христа. А что я сделал до сих пор? Учения я не создал, учеников разбазарил, мертвого Паниковского не воскресил, и только вы...» О том, что образ Бендера пародирует Иисуса, писалось не раз. В «Золотом теленке» он рассказывает: «Не далее как четыре года назад мне пришлось в одном городишке несколько дней пробыть Иисусом Христом. И все было в порядке. Я даже накормил пятью хлебами несколько тысяч верующих. Накормить-то я их накормил, но какая была давка!» В таком случае Балаганов, Паниковский и Козлевич — пародийные апостолы, и показному атеизму Бендера это не противоречит.

ЧТО В РОМАНЕ СИМВОЛИЗИРУЮТ АВТОМОБИЛИ?

«Золотой теленок» открывается эпиграфом из правил дорожного движения и длинным пассажем о незавидной судьбе пешеходов в автомобильный век. В первой части романа герои путешествуют из Арбатова в Черноморск на выдавшей виды, латаной и перелатанной машине, которой Остап Бендер дает имя «Антилопа-Гну» — по аналогии с марками вроде «изотта-фраскини» и «лорен-дитрих» (собственно, «лорен-дитрихом» «Антилопу» считает ее хозяин Козлевич). Путешествие поначалу выходит удачным: «Антилопу» принимают за головную машину автопробега «Москва — Харьков — Москва» и встречают с хлебом-солью и бензином.

«Теленок» — свидетельство горячего интереса к автомобилям, охватившего СССР в 1920–1930-е. Комментатор Ильфа и Петрова Александр Вентцель замечает, что советское общество, видевшее мало автомобилей, прекрасно знало их марки и разбиралось в устройстве механизмов²⁰. О «фордах» и «паккардах» выходили популярные брошюры. Ну а автопробеги действительно проводились регулярно — в первую очередь с агитационными целями.

В романе все это находит подтверждение. Кое-где жители городов на пути автопробега просто смотрят на «Антилопу-Гну» как на диковину, на всякий случай вынося навстречу все возможные лозунги и транспаранты, а кое-где, напротив, антилоповцев ждут подкованные шоферы-любители: «Я читал в газете, что идут два “паккарда”, два “фиата” и один “студебеккер»». На торжественных митингах звучат типичные

штампы из прессы: «Все в Автодор!.. Наладим серийное производство советских автомашин. Железный конь идет на смену крестьянской лошадке. <...> Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения». Остап легко подыгрывает этому, украшая «Антилопу» лозунгом «Автопробегом — по бездорожью и разгильдяйству!».

В целом автомобильная тема в романе встроена, — как всегда, не без мягкой иронии — в дискурс победительного социализма, который оставляет жуликов-частников на обочине: «Настоящая жизнь пролетела мимо, радостно трубя и сверкая лаковыми крыльями». Притом до поры до времени им удается пользоваться плодами этой настоящей жизни: новые явления советской жизни в романах Ильфа и Петрова часто выступают в роли *deus ex machina*²¹.

ЧЕРНОМОРСК — ЭТО ОДЕССА?

В черновом «Великом комбинаторе» никакого Черноморска не было, а сразу была Одесса. В «Золотом теленке» Черноморск и Одесса, казалось бы, разведены: в первой же «черноморской» главе упомянуты «брюки из клетчатой материи, известной под названием “Столетье Одессы”». Да и в «Двенадцати стульях» Бендер — по косвенным данным, сам уроженец

Потемкинская лестница в Одессе.
Фотография Бренсона Деку. 1931 год

Одессы²² — сообщает, что всю контрабанду делают именно там, а ни в каком не Черноморске. Но, конечно, черты Одессы в Черноморске угадываются безошибочно: это и большой порт, и «бронзовая фигура екатерининского вельможи» — памятник Дерibasу*¹, и бульвары с акациями. Подтверждают эту версию и мечты «пикейных жилетов» о присвоении Черноморску статуса вольного города, как «лет сто тому назад» (имеется в виду статус порто-франко, которым действительно обладала Одесса в XIX веке), и жалобы старика Фунта, который припоминает закрывшиеся общества взаимного кредита, действительно существовавшие в Одессе. Узнаваемый

*¹ Осип Михайлович Дерибас (испанское имя — Хосе де Рибас; 1751–1800) — русский военный и государственный деятель испанского происхождения. В 1769 году присоединился к российской экспедиции Балтийского флота в Средиземном море, успешно выполнял поручения графа Алексея Орлова, благодаря чему был принят на русскую военную службу. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов и войне 1787–1891 годов. Под руководством Суворова участвовал в разработке плана штурма Измаила. Был воспитателем Алексея Бобринского, внебрачного сына Екатерины II и Григория Орлова. В последние годы царствования императрицы был одним из ее приближенных. Руководил постройкой Одессы и одесского порта, главная улица города была названа в честь Дерибаса.

колорит, специфический юмор (с его «подчеркнуто еврейским речевым фоном»²³) — все это, помимо прочего, вписывает «Золотого теленка» в традицию одесской прозаической школы (существование которой, впрочем, небесспорно) и вновь связывает Остапа Бендера с не чужим ему миром одесского криминала, воспетого Бабелем.

ЗАЧЕМ НУЖНА ИСТОРИЯ ПРО ВАСИСУАЛИЯ ЛОХАНКИНА И «ВОРОНЬЮ СЛОБОДКУ»?

Васисуалий Лоханкин, обитатель жуткой коммунальной клоаки под названием «Воронья слободка», — самый известный из эпизодических персонажей «Золотого теленка». И за него авторам больше всего досталось от позднейших критиков. В Лоханкине увидели безобразную карикатуру на «интеллекта дореволюционной формации»²⁴. Надежда Мандельштам писала в своих «Воспоминаниях»²⁵:

«Хилым» и «мягкотелым» не нашлось места среди тридцатилетних сторонников «нового». Первоочередная задача состояла в том, чтобы подвергнуть их осмеянию в литературе. За эту задачу взялись Ильф с Петровым и поселили «мягкотелых» в «Вороньей слободке». Время стерло специфику этих литературных персонажей, и никому сейчас не придет в голову, что унылый идиот, который пристаёт к бросившей его жене, должен был типизировать основные черты интеллекта. Читатель шестидесятых годов, читая бессмертное произведение двух молодых дикарей,

совершенно не сознает, куда направлена их сатира и над кем они издеваются.

С этими обвинениями были солидарны другие авторы и исследователи: Варлам Шаламов (вообще считавший, что Ильф и Петров поэтизируют ненавистную ему уголовщину), Олег Михайлов, Мариэтта Чудакова, Вячеслав Вс. Иванов, Аркадий Белинков. Последний в своей книге о Юрии Олеше счел, что Лоханкин — это ответ гнусному и псевдоинтеллигентному Кавалерову из «Зависти», только если Олеша развенчивал интеллекта неохотно, то Ильф и Петров — «охотно и радостно»²⁶.

Однако были голоса и в защиту Ильфа и Петрова. Филолог Яков Лурье, опубликовавший книгу об Ильфе и Петрове под псевдонимом Авель Курдюмов, отмечает, что весь образ Лоханкина — карикатура не на интеллигенцию, а на тех, кто пытается себя к ней причислить — не обладая ни умом, ни образованием, ни совестью: «Права носить звание интеллекта у него не больше, чем у Ипполита Матвеевича Воробьянинова — считаться гигантом мысли, отцом русской демократии и особой, приближенной к императору»²⁷. О том же пишет Юрий Щеглов²⁸:

Безосновательно утверждение, будто Лоханкин типизирует черты людей, воплощавших совесть эпохи... Через его карикатурный облик ни в какой, сколь угодно искаженной, форме не просвечивают ни интеллект, ни культура, ни способности, ни амбиции. Исключенный из пятого класса гимназии, Лоханкин по образованию стоит ниже Митрича, окончившего Пажеский корпус, и читает

не Достоевского, а мещанский иллюстрированный журнал гимназических лет. Он не стоит в явной или скрытой оппозиции к советскому строю, ущемленности не испытывает и вполне доволен своей жизнью под крылышком совслужащей жены.

Разумеется, в образе Лоханкина множество отсылок к, так сказать, «семантическому ореолу» интеллигенции на рубеже 1920–1930-х. Жертвенность Лоханкина, который дает себя выпороть, рассуждая, что, может быть, в этом и есть «сермяжная правда», — действительно карикатура на интеллигентское/разночинское «преклонение перед народом», а еще — шпилька в адрес публично «кающихся» перед советской властью интеллигентов (тенденция, шедшая от эмигрантского сборника «Смена вех»^{*1}, авторы которого выступали за примирение с Советами, и возобновившаяся после «великого перелома» 1929 года; многие, вероятно, каялись, просто чтобы отвести от себя беду)²⁹. Но покаяние Лоханкина имеет границы: когда надо, он хищный собственник и обманщик. Его малообразованность и животность выдают себя с головой. Любимой книгой он называет «Мужчину и женщину» (дореволюционное переводное издание — «наиболее полная для своего времени энциклопедия секса, любви и половой жизни»)³⁰, а пятистопные ямбы, которыми он в пылу страсти говорит с женой, — словоблудие не только в смысле ценности, но и в смысле блуда:

---

^{*1} Сменовеховство — политическое движение внутри русской эмиграции первой волны, названное по сборнику статей «Смена вех», выпущенному в Праге в 1921 году. Сменовеховцы выступали за налаживание контактов с Советской Россией и примирение с советской властью. Оппонентами сменовеховцев были «непримиренцы», отрицавшие возможность любого сотрудничества с Советами. Многие идеологи сменовеховства в 1930-е уехали в СССР, где были репрессированы и казнены.

— Волчица ты, — продолжал Лоханкин в том же тягучем тоне. — Тебя я презираю. К любовнику уходишь от меня. К Птибурдукову от меня уходишь. К ничтожному Птибурдукову нынче ты, мерзкая, уходишь от меня. Так вот к кому ты от меня уходишь! Ты похоти предаться хочешь с ним. Волчица старая и мерзкая притом!

Упиваясь своим горем, Лоханкин даже не замечал, что говорит пятистопным ямбом, хотя никогда стихов не писал и не любил их читать.

Последняя оговорка характерна.

По замечанию Александра Вентцеля, в речах Варвары тоже прорывается пятистопный ямб: «Но ведь общественность тебя осудит», «Ешь, подлый человек! Ешь, крепостник!»³¹ Таким образом, Варвара, променявшая ничтожного Лоханкина на пошловатого Птибурдукова, — органичный участник «мещанской трагедии», которую стилизуют Ильф и Петров.

КАК В «ЗОЛОТОМ ТЕЛЕНКЕ» ОТРАЖЕНА СОВЕТСКАЯ БЮРОКРАТИЯ?

Бюрократический дух во втором романе Ильфа и Петрова гораздо сильнее, чем в «Двенадцати стульях». Бюрократия — стихия «Золотого теленка», и Остап Бендер демонстрирует чудеса ее приручения.

«Меня давно влечет к административной деятельности. В душе я бюрократ и головотяп», — шутит он, используя штампы советской сатиры.

Первое же приключение Бендера в романе — вторжение в исполком под видом сына лейтенанта Шмидта — показывает его высокий класс, умение ориентироваться в трудной ситуации. Когда неожиданно появляется второй сын — Балаганов, Бендер не только пускает в ход классический фокус со встречей братьев, но и пытается подкрепить его любим, пусть самым суррогатным, официальным документом:

— Я писал, — неожиданно ответил братец, чувствуя необыкновенный прилив веселости. — Заказные письма посылал. У меня даже почтовые квитанции есть. — И он полез в боковой карман, откуда действительно вынул множество лежалых бумажек. Но показал их почему-то не брату, а председателю исполкома, да и то издали. Как ни странно, но вид бумажек немного успокоил председателя, и воспоминания братьев стали живее.

Впоследствии Бендер обнаружит исключительную чувствительность к стилистике эпохи — начиная с замечания «По случаю учета шницелей столовая закрыта навсегда», произнесенного перед заведением «Бывший друг желудка» (современный читатель может не уловить обертона слова «бывший»: смысл в том, что столовая называлась так до революции, название упразднено, а дать новое название у властей провинциального города не дошли руки), — и заканчивая, конечно, учреждением конторы «Рога и копыта».

Истинная цель конторы — прикрытие разведдеятельности Бендера, который собирает компромат на Корейко (обратим внимание, что этот компромат подшит во вполне бюрократическую папку с надписью «Дело»). Но внутри «Рогов и копыт» и вокруг них тут же разворачивается конторская деятельность, по сути — чистый эрзац (и надо понимать, что таким эрзацем в представлении Ильфа и Петрова была вообще вся советская бюрократия). Балаганов и Паниковский, по предложению Остапа, «смешиваются с бодрой массой служащих»: они превращаются соответственно в «уполномоченного по копытам» и курьера. В контору приносят мешки рогов и копыт: из этого материала, сейчас сюрреалистического, можно было изготавливать, например, гребни и оправы для очков (стоит заметить, что как раз в 1930-м крестьяне, протестуя против коллективизации, массово забивали скот и утилизировали рога и копыта³²) — так что дело, займись им Бендер всерьез, могло бы получиться прибыльным. Возникает бывалый зицпредседатель Фунт, чья функция — в том, чтобы в нужный момент, когда контора лопнет, сесть в тюрьму вместо Бендера («зиц» — от немецкого *sitzen*, «сидеть», практика найма таких подставных лиц — еще дореволюционная)³³. Тем, что контора липовая, могут в «Золотом теленке» возмущаться только наивные обыватели.

Примечательно, что 1930 год, к которому относится действие романа, — это самый закат частной кооперации в СССР, о чем в «Теленке» много шутят: Бендер учреждает свою контору на месте бывшего «комбината частников» с фамилиями вроде Фанатюк и Павиайнен. Собственно, к этому времени функции коммерческих

контор, подобных «Рогам и копытам», свелись к роли передаточного звена между поставщиками (это те самые граждане, что приносят Бендеру рога и копыта) и государством. Вскоре, в разгар коллективизации, и эта лавочка была прикрыта. Остап Бендер успеет увидеть, как его фантомное предприятие превратится в гособъединение.

Впрочем, «Рога и копыта» — любительщина по сравнению с цитаделью бюрократии в «Золотом теленке», учреждением «Геркулес», которое выполняет контракты по «заготовке чего-то лесного». Разумеется, здесь возникает простор для должностных преступлений, а скрываются спекуляции с помощью все той же бюрократии, вершина которой — универсальный штамп геркулесовского начальника Польшаева:

Это была дивная резиновая мысль, которую Польшаев мог приспособить к любому случаю жизни. Помимо того, что она давала возможность немедленно откликаться на события, она также освобождала его от необходимости каждый раз мучительно думать. Штамп был построен так удобно, что достаточно было лишь заполнить оставленный в нем промежуток, чтобы получилась злободневная резолюция.

В ответ на.....
мы, геркулесовцы, как один человек, ответим:

- а) повышением качества продукции,
- б) увеличением производительности труда,
- в) усилением борьбы с бюрократизмом, волокитой, кумовством и подхалимством,

- г) уничтожением прогулов,
- д) уменьшением накладных расходов,
- е) общим ростом профсоюзной активности,
- ж) отказом от празднования Рождества, Пасхи, Троицы, Благовещения, Крещения и др. религиозных праздников,
- з) беспощадной борьбой с головоутием, хулиганством и пьянством,
- и) поголовным вступлением в ряды общества «Долой рутину с оперных подмостков»,
- к) поголовным переходом на новый быт,
- л) поголовным переводом делопроизводства на латинский алфавит,
- а также всем, что понадобится впредь.

Заполнять пропуск можно было чем угодно — от «В ответ на происки пилсудчиков*1» до «В ответ на наглое бесчинство бухгалтера Кукушкинда, потребовавшего уплаты ему сверхурочных».

Появление в «Геркулесе» Остапа Бендера, которого по гоголевской еще традиции, конечно, принимают за ревизора, наводит на бюрократов ужас. Великий комбинатор действует как блюститель закона (прием, опробованный еще в «Двенадцати стульях», в старгородском доме престарелых) — и попутно действительно вскрывает бездны злоупотреблений. Так что лозунги в духе «Ударим по бездорожью, разгильдяйству и бюрократизму» в «Золотом теленке» не только пародируются, но и подаются серьезно. Ильф и Петров ставят на борьбу с бюрократизмом свою сатиру: выясняется, что в бумажно-резиновой неразберихе, под стук

*1 Политические сторонники польского политика Юзефа Пилсудского (1867–1935).

конторских счетов, можно сколотить миллионное состояние.

КАК САТИРА «ЗОЛОТОГО ТЕЛЕНКА» ВСТРАИВАЕТСЯ В СОВЕТСКУЮ МОРАЛЬ?

С самого начала в «Теленке» ощутимы репрессивные нотки. «Строгого гражданина»^{*1}, который протестует против сатиры, предлагается карать за «головотяпство со взломом» (сам советский ярлык «головотяп» происходит из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина — писателя, ценимого Сталиным³⁴). Второстепенные персонажи как на подбор галерея карикатурных типов (возможно, с оглядкой на «Мертвые души»): старорежимные бюрократы, боящиеся чистки, и еще более старорежимные «пикейные жилеты», упитанные иностранцы, алчные ксендзы, вездесущий рвач^{*2} Талмудовский, жулики Скумбриевич и Полыхаев, псевдоинтеллигент Лоханкин. Всем этим людям не место в новом советском обществе, и Остап Бендер (сам в это общество плохо вписывающийся) умело пользуется их страхами. Служащие и нэпманы спасаются от чисток и налоговых проверок в сумасшедшем доме, опасаются «вынужденной поездки на север», а миллионеру Корейко Бендер обещает прогулку в «чудной решетчатой карете». В «Двенадцати стульях» он еще открыто сулил Воробьянинову ГПУ. В 1930-м прямые угрозы замещаются

эвфемизмами, но и они производят оглушительное действие.

Пожалуй, главная мораль в сюжете «Золотого тельца» — в том, что даже если ты неправедными путями наживешь миллион, то не сумеешь его потратить. С этим был вынужден мириться Корейко: он жил на мизерное жалованье, а миллионы держал в вокзальных камерах хранения (такое ненадежное, казалось бы, хранилище в советской стране оказывается железным). С этим приходится столкнуться Бендеру: не в силах реализовать свой миллион («Я не могу купить новой машины. Государство не считает меня покупателем»), он вкладывает его в золото и драгоценности — вроде золотых часов, когда-то до революции подаренных отцом «любимому сыну Сереженьке Кастраки», — и в конце концов теряет все.

И, разумеется, трудно здесь его не пожалеть — но приходится признать, что такая концовка логична. «Золотой тельенок» все-таки советская сатира. Даже хорошо знакомую советским людям ситуацию — ни в одной гостинице нельзя достать номеров — Ильф и Петров объясняют пусть и с иронией, но иронией «положительной»: номера нужны не праздношатающимся миллионерам, а людям, занятым делом, — участникам конгресса почвоведов или дирижерам симфонического оркестра (в такой роли приходится выступить Остапу, чтобы его пустили в гостиницу). О лояльности авторов «Золотого тельца» красноречиво говорит, например, полное

^{*1} Под «строгим гражданином» Ильф и Петров имели в виду критика и журналиста Владимира Блюма. В своих статьях он проводил мысль о том, что сатира наносит вред советской государственности.

^{*2} Человек, стремящийся извлечь из всего как можно больше личной выгоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru